взрослаго населенія (съ подраздѣленіемъ по возрастнымъ группамъ).

Такимъ образомъ, исчезаетъ надобность въ какомъ бы то ни было особо избираемомъ правительствѣ и люди становятся равны другъ другу не только въ экономическомъ, но и въ политическомъ отношеніи. Всякая власть одного человѣка надъ другимъ дѣлается излишней и ненужной. Каждый знаетъ, что, достигши извѣстнаго возраста, онъ приметъ такое же участіе въ управленіи дѣлами своей общины, какъ и всѣ остальные ея члены.

Горячимъ защитникомъ плановъ Оуэна былъ его замѣчательнѣйшій ученикъ, Вильямъ Томсонъ, который, какъ теоретикъ, стоялъ значительно выше своего учителя. Весьма любопытно, какія измѣненія онъ ввелъ въ планъ Оуэна. Отъ Томсона не ускользнуло, что полное равенство,—господствующее внутри общины, еще не обезпечиваетъ равенства между членами отдѣльныхъ общинъ, напротивъ, совершенно неизбѣжно, что однѣ общины будутъ находиться въ лучшихъ экономическихъ условіяхъ, чѣмъ другія хотя бы уже по естественнымъ различіямъ ихъ мѣстонахожденія. Томсонъ былъ такимъ же сторонникомъ строгаго равенства какъ и его учитель. И вотъ онъ оказался вынужденнымъ, для возстановленія равенства, возстановить и упраздненное Оуэномъ государство: онъ предложилъ, чтобы государство облагало общины особымъ налогомъ, пропорціональнымъ различіямъ плодородія и другимъ естественнымъ преимуществамъ земель, находящихся въ распоряженіи каждой общины. Такимъ образомъ, естественныя неравенства будутъ нейтрализованы спеціальнымъ налогомъ, который пойдетъ, въ свою очередь, на общія нужды всѣхъ общинъ государства, на поддержаніе и развитіе всѣхъ такихъ хозяйственныхъ предпріятій, которыя по своимъ размѣрамъ не могутъ быть уложены въ рамки одной общины.

Итакъ путемъ развитія того самого принципа равенства, изъ котораго исходитъ и Оуэнъ, Томсонъ пришелъ къ признанію необходимости центральной общественно-экономической организаціи, стоящей внѣ общины,—пришелъ, иными словами, къ отрицанію федералистическаго соціализма въ его чистомъ видѣ: результатъ весьма знаменательный показывающій внутреннее противорѣчіе федералистическаго соціализма съ началомъ равенства, иначе говоря съ основной идеей соціализма.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Туганъ-Барановскій.

ПОСЛѢДНІЕ ДНИ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЫ.

„Провозгласите объ этомъ между народами, приготовьтесь къ войнѣ, возбудите храбрыхъ, пусть выступятъ, поднимутся всѣ ратоборцы“.— (*Іоиля*, гл. III, ст. 9).—

Именнымъ Высочайшимъ указомъ отъ 8 іюля 1906 года Государственная Дума распущена. Указъ не скрѣпленъ министромъ, хотя этой скрѣпы требуетъ статья 26 основныхъ законовъ. Кромѣ того, въ указѣ не назначены новые выборы въ Думу, хотя это предписывается статьей 63 тѣхъ же законовъ. Такимъ образомъ, указъ не можетъ считаться законнымъ, что, разумѣется, не помѣшало ему фактически оказаться дѣйствительнымъ.

При другомъ составѣ Государственной Думы, народные представители могли бы, пожалуй, заявить, что, не признавая указъ законнымъ, они не могутъ признать его дѣйствительнымъ... Впрочемъ, при другомъ составѣ Государственной Думы, народные представители врядъ ли бы встали на формальную почву,—они, чего добраго, пошли бы напроломъ, отвергли бы самый фактъ распущенія, остались бы на своемъ посту, согласно наказамъ избирателей („безъ земли и воли не возвращайтесь!“), объявили бы себя учредительнымъ собраніемъ, и т. д. Въ такомъ случаѣ произошелъ бы не роспускъ, а разгонъ Государственной Думы, который могъ бы произвести совсѣмъ иное впечатлѣніе: оказать не угнетающее, а возбуждающее дѣйствіе на страну...

Повидимому, вначалѣ, когда народные представители только еще собирались, публикѣ рисовалось нѣчто подобное: сцены изъ великой французской революціи, клятва въ Залѣ Мяча (см. рис. въ этомъ №), рѣчи Мирабо и проч. Тогда говорили, что эта Дума есть „выраженіе гнѣва народнаго“; ну а вѣдь народному гнѣву не такъ то легко сказать: „пошелъ вонъ!“ Тогда много толковали о разгонѣ Думы.

Разумѣется, эти картины будущаго оказались совершенно фантастическими. Дума кадетская, миролюбивая, „уравновѣшенная“, Дума, еще наканунѣ своего роспущенія приглашавшая народъ смирно и тихо ждать плодовъ ея дѣятельности, Дума, увѣрившая себя въ возможности и желательности мирнаго исхода и загипнотизировавшая этой увѣренностью значительные круги народа,—такая Дума не могла дѣйствовать, какъ революціонное французское Національное Собраніе; она осталась вѣрной себѣ и была просто распущена, а не разогнана. Оказывается, такимъ образомъ, что депутатъ Родичевъ былъ правъ, когда билъ себя кулакомъ въ грудь, восклицая: „клянусь, что Дума не будетъ разогнана!“ Она дѣйствительно не была р зогнана: нельзя разогнать тѣхъ, кто не оказываетъ сопротивленія...

Правда, депутатъ Родичевъ, кажется, не это имѣлъ въ виду. Онъ хотѣлъ сказать, что правительство не рѣшится ни разогнать, ни рас-